

**Этническое и религиозное многообразие России** / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова.  
Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.

Рецензируемая коллективная монография представляет собой итог реализации исследовательского проекта, финансируемого Российским фондом фундаментальных исследований, в котором были задействованы известные социологи, этнологи, религиоведы. Однако, оценивая содержание монографии в целом и отдельных ее глав в частности, становится очевидным, что названный труд есть не только и не столько подведение итогов масштабного проекта, сколько обобщение опыта этнополитических, этносоциологических, этноконфессиональных исследований, осуществлявшихся отечественными исследователями за весь постсоветский период. В этой связи можно назвать книгу «Этническое и религиозное многообразие России» неким зеркалом современного российского общества, в котором отражен культурный образ страны. И для этого есть все основания, ибо идеология данного труда, очевидно, строилась исходя из цели наиболее полного и глубокого анализа значимых социальных и культурных явлений и процессов, отражающих специфику России: демографических характеристик населения, гражданской идентичности, языковой ситуации.

Наряду с анализом общих процессов немало внимания уделено рассмотрению этнополитической и этнокультурной ситуации в отдельных российских регионах, положению конкретных этнических групп и конфессий. В структурном плане монография делится на два блока: 1) общие проблемы и подходы в изучении культурного многообразия, 2) культурная сложность и межэтнические отношения в регионах. Логика такого разделения понятна, ибо анализ общих процессов необходимо иллюстрировать конкретным изучением региональных

процессов, которые, очевидно, могут иметь свою специфику, но так или иначе должны отражать общие тенденции развития страны. Правда, остается не совсем понятным, на основании каких критериев отбирались регионы, анализ ситуации в которых представлен во втором разделе, а равно почему региональный принцип построения данного раздела не был строго выдержан, но данное замечание не носит принципиального характера. Важнее другое: названное разделение монографии не только вполне логично, но в содержательном плане главы обоих разделов, действительно, дополняют друг друга и тематически соответствуют предложенной структуре.

Что касается собственно содержательного анализа, то в связи с вышесказанным его также необходимо разделить на две части. Начинается анализ общих проблем и подходов с оценки мирового опыта полиэтничности и определения его роли для совершенствования этнополитики в России. Академик В.А. Тишков, который является автором данной главы, отмечает, что проблемы формирования государств-наций, укрепления общегражданской солидарности, совершенствования миграционной политики являются актуальными как для развитых стран Запада, так и для России. Но, на наш взгляд, основной авторский посыл заключен в одной короткой фразе: «Наконец, возможно самое главное – солидарный успех тех или иных социальных коллективов людей, оформленных общей государственностью, объяснялся качеством управленческой элиты, способностью институтов национального государства и гражданского общества обеспечить межкультурный диалог, солидарное согласие и эффективный труд граждан одной суверенной политии» (стр. 12).

Необходимость совершенствования как концептуальных подходов, так политических практик, связанных с реализацией государственной национальной политики, неоднократно отмечалась и нами при анализе сложных социокультурных трансформаций, которые происходят как на региональном, так и на макрорегиональном уровнях<sup>1</sup>.

Стоит заметить, что базовую основу для разработки как федеральных, так и региональных моделей этнополитики и для понимания культурной сложности населения России составляют данные официальной статистики, и прежде всего материалы переписей населения. Поэтому не случайно вслед за анализом мирового опыта этнополитики следует глава (автор – Д.Д. Богоявленский), в которой оцениваются не только результаты всех переписей населения, но и анализируются принципы учета культурного и языкового разнообразия, положенные в основу идеологии каждой конкретной переписи. Эти принципы не оставались неизменными, что привело, в частности, к увеличению номенклатуры этнических групп, фиксируемых результатами переписных кампаний и особенно постсоветских переписей населения. Но, как справедливо замечает автор, «никакого кардинального изменения этнической картины не произошло. Люди, относившие себя к появившимся в списке народам, и сами эти народы существовали и ранее. Все дело в определении списка выделяемых при переписи народов и в процедуре их выделения в отдельную единицу при проведении переписи. Списки (номенклатуры) народов составляют государственной статистикой по рекомендациям этнологов (этнографов). Из большого числа этнонимов, указанных как самоназвания в переписных листах, группируется оговоренное число этнических групп – народностей – национальностей. Одна перепись выделяет данный народ, другая – включает его в больший, родственный, и наоборот, поэтому перечни народов в разных переписях, как правило, не совпадают

полностью и отражают не столько изменения в этническом составе населения, сколько представления на этот счет этнографов, руководящих переписью, и просто руководства» (стр. 24).

Однако, вероятно, следовало развить мысли автора по поводу фиксации этнонимов, поскольку усилия этнологов добиться того, чтобы во время переписей максимально учитывалось культурное многообразие страны и отдельных ее регионов, конечно, не вызывает возражений и требует всяческой поддержки, но в преддверии очередной переписи полезно было бы высказать и некоторые претензии в их адрес. Дело в том, что, как и в советские годы, составление «списка национальностей» монополизировано московскими экспертами, уровень квалификации и научный авторитет которых, конечно, не вызывает сомнений. Но тем не менее их корпоративная солидарность иногда вредит делу наиболее полного и объективного учета этнических номинаций. Примером могут служить уйльта Сахалина. Долгое время их называли ороками, и ни у кого это не вызывало возражений. Но «этнический ренессанс» 1990-х гг. обернулся не только усилением внимания к культурному многообразию страны, но и активизацией этнического и этнополитического мифотворчества, превращением этничности в культурный манифест, с помощью которого доказывалась извечная культурная отличительность группы, а особенно ее отличие от доминантного большинства населения. Попавшие в сферу интересов японских исследователей ороки оказались в плену их концепций. Этноним «ороки» был признан экзоэтнонимом, т.е. именем, которое присвоили группе русские переселенцы на Дальний Восток и Сахалин. А эндоэтнонимом было решено считать имя уильта. Однако позднее и его уточнили и изменили на уйльта. Местные этнические активисты стали активно лоббировать смену «русского» названия этнической группы, и их поддержали некоторые российские ученые, ибо

ситуацию с ороками можно было преподнести как некую «этнографическую сенсацию». Однако дальневосточные специалисты настаивали, что этимология этнонима «ороки» имеет местные корни, и достаточно убедительно доказывали это, полемизируя с московскими исследователями<sup>2</sup>.

Серьезный удар по любителям «этнографических сенсаций» нанесли результаты переписи 2002 года, когда большинство новоявленных уйльта предпочли назваться своим старым именем — ороки. Непонятно почему, но во время переписи 2010 г. уже не предполагалось несколько вариантов этнонимов для ороков, и все они были записаны уйльта, независимо от того, как они сами себя называли. Но такая практика лишь искажала реальную картину характера идентификации, и если в следующей переписи (что надо сделать) нынешним уйльта будет предложено выбирать из нескольких этнонимов и будут даны четкие указания переписчикам, то вполне возможно, что численность уйльта сократится в несколько раз и на сцене вновь появятся ороки.

Некоторые сомнения вызывает и следующее утверждение автора: «Если просто овладение русским языком нельзя безусловно считать ассимиляционным процессом, то смена родного языка со «своего» на русский достаточно ясно говорит о развитии процессов русификации» (стр. 60). В таблице указаны такие «наиболее ассимилированные» народы, как евреи, немцы, белорусы, украинцы, греки, молдаване, коми, от 40 до 90% которых называют родным русский язык. Однако у большинства народов Севера во второй половине XX в. произошел так называемый языковой сдвиг, в результате которого они перешли на преимущественное использование русского языка во всех сферах бытовой коммуникации. При этом здесь сложно говорить даже о языковой ассимиляции, ибо, к примеру, 60,9% долган называют родным долганский, при этом владеют им только 11,8%, у ненцев такая же ситуация: ненецкий называют родным

73,1%, а владеют им 24,1%. Похожие показатели зафиксированы и по многим другим малочисленным народам Севера<sup>3</sup>.

Но рецензируемая монография хороша тем, что в ней одна глава удачно дополняет другую. Две последующие главы (автор — В.В. Степанов) также посвящены анализу возможностей статистических измерений этнического многообразия страны и языковой ситуации. Здесь достаточно детально рассмотрены проблемы, которые возникают во время переписей при фиксации как этнической принадлежности, так и языковых компетенций представителей разных этнических сообществ. Пожалуй, достаточно очевидно о названных проблемах говорит название одного из разделов третьей главы: «Перепись как счетный инструмент или конструктор «реальности»?». И, конечно, не вызывает возражений вывод о том, что инструментарий, с помощью которого определяется этнический состав населения и картина языковой жизни, требует совершенствования и уточнения.

Далее очень любопытны в содержательном плане главы, посвященные гражданской и этнической идентичности россиян. Первая из них принадлежит перу такого маститого ученого, как Л.М. Дробижева, а вторая написана — С.В. Рыжовой. На основании результатов социологических исследований последних лет Л. Дробижева приходит к следующему выводу, с которым нельзя не согласиться: «представление о том, что гражданская идентичность является ресурсом сплоченности полиэтнического пространства, находит подтверждение в массовых представлениях россиян. Она имеет очевидные основания в чувстве сопричастности к гражданам России, солидаризации по основным ценностным основаниям и формирующемся чувстве гражданской ответственности, подкрепляется благоприятными межэтническими установками» (стр. 118). В свою очередь С. Рыжова замечает, что «в условиях культурной унификации и глобализации этничность остается тем со-

циальным и культурным пространством, где человек может выразить свою уникальность и соприкоснуться с традицией» (стр. 119). Автор отмечает устойчивость и значимость этнической солидарности для россиян в целом и указывает на определенные различия между представителями разных этнических групп в определении роли этничности в культурном и социальном позиционировании групп. При этом ею замечено, что политизация этничности может нести определенные риски лишь в том случае, если она сопряжена «с установками враждебности и нетерпимости, отторжения многокультурного уклада российской действительности» (стр. 135).

Весьма значимой, на наш взгляд, является седьмая глава монографии «Этнокультурное и языковое многообразие в образовательной среде» (В.А. Тишков, В.В. Степанов). Образовательные институты играют важную роль в формировании чувства гражданской солидарности россиян, а само образование есть сегодня ключевой механизм, с помощью которого должно формироваться гражданское сознание и гражданская солидарность, а также устойчивые и позитивные представления об исторически сложившейся поликультурности России и ее естественном характере. Но выстроить образовательный процесс таким образом, чтобы в нем был оптимальный баланс между этнокультурными и гражданскими интересами, весьма сложно, тем более что этнокультурный компонент образования находится в поле внимания как этнических активистов, так и политиков и региональных властей. А в последнее время внимание к нему крайне актуализировалось, на что справедливо указывается в данной главе: «Как показывают исследования, возникшее в стране общественное напряжение, связанное с ограничениями национально-языкового и этнокультурного образования, не преодолевается, а местами только усугубляется. В связи с этим в российских регионах, прежде всего в ре-

спубликах, уже высказывались требования законодательно вернуться к национально-региональному компоненту образования... Однако, по нашему мнению, к этому «компоненту» возвращаться не имеет смысла. В некоторых российских республиках в 1990-е гг. национально-региональный компонент образования привел к значительным общественным разногласиям. Имелась и теоретическая подпитка этого компонента со стороны местечковых доктрин, присвоивших себе титул «этнической педагогики». В их основу помещали идею воспитания этнически ориентированной личности с признаками готовности воспринимать националистические догматы» (с. 139). Следует согласиться также с выводом о том, что «региональная специфика этнокультурной среды далеко не всегда и не повсеместно принимается во внимание органами образования, а школьные и вузовские администрации часто не ориентируются на запросы местного населения, тем самым формируется общественное напряжение» (с.153), а также и с тем, что в сложившуюся систему этнокультурного образования необходимо вносить коррективы. Более того, на наш взгляд, в ряде регионов необходимо пересматривать утвержденные концепции этнокультурного образования, ибо они этноцентричны и не нацелены на общегражданские интересы, а сам учительский корпус надо готовить с учетом понимания им актуальных проблем нациестроительства, воспитания в детях культуры толерантности и российского патриотизма.

Две последующие главы посвящены анализу этноконфессиональных проблем: М.М. Мчледов анализирует религиозную ситуацию в России в целом и в различных ее регионах – в частности, а В.А. Шнирельман оценивает деятельность православных фундаменталистов. При очевидном обилии интересных наблюдений и выводов обеих авторов нам представляется, что весьма важное значение имеет следующее замечание М. Мчледова: «Одним из важнейших

контекстов современной религиозной ситуации, его новой архитектурой, является причисление себя к той или иной конфессии. Это означает прежде всего соотнесение с определенной культурно-цивилизационной традицией, сформировавшейся под воздействием определенного религиозного течения, что не является взаимно-однозначным соответствием с религиозностью» (стр. 165).

Завершается первый раздел монографии двумя любопытными главами, первая из которых (авторы В.А. Тишков, В.К. Малькова) посвящена рассмотрению культурного многообразия как социального и экономического ресурса, и красной нитью ее является оценка возможностей культурного брендинга городов и регионов, а вторая (автор – Е.А. Пивнева) посвящена оценке культурного развития народов Севера. Глава, написанная Е. Пивневой, очень содержательна и интересна, но одно замечание необходимо выделить особо. Автор указывает: «типологию языковых и этнокультурных ситуаций у коренных народов Севера можно построить, только рассматривая в качестве исходной единицы языковую общность отдельно взятого поселка, а не этническую группу в целом. Даже в пределах одного района разница между поселками с точки зрения сохранности языка и традиционной культуры бывает весьма значительной. В целом же динамика выглядит как процесс массового перехода народов Севера с этнических языков на русский язык, минуя (для большинства из них) стадию двуязычия, то есть как классический языковой сдвиг. Лингвистами все же высказывается мысль о том, что процессы языкового сдвига пока еще недостаточно изучены и на основе имеющихся теоретических положений нельзя делать уверенные прогнозы. При этом необходимо понимание смысла так называемого «языкового перехода», т.е. перехода на двуязычие или полностью на русский язык как прежде всего индивидуального выбора и одной из

стратегий модернизации этой части российского населения» (стр. 263-264). Также весьма интересны и практически значимы предложения, касающиеся юридического статуса и персональной идентичности представителей коренных малочисленных народов Севера. Однако есть вопросы, которые автором оставлены без внимания, хотя они носят дискуссионный характер. В частности, на каком основании в перечень народов Севера были включены вошь, ижора и можно ли вообще сегодня считать вожан и ижорцев реально существующими группами, ибо вся молодежь покинула деревни вожан и ижорцев и сменила идентичность? Здесь стоит заметить, что наиболее общее для всех групп ижор этническое самоназвание – «русские» («venäläiset», «venalaizet», «vellaset») и ижорцы считали себя «настоящими русскими» с XVII в., а их этнические соседи финны (ингерманландцы) определяли стиль жизни группы как *venäjänmielisyys* («русскомысле», «русскоориентированность»)⁴. Но очевидно, что проблематика народов Севера сложна и многообразна и вряд ли возможно осветить ее полностью в одной отдельной главе.

Во второй части монографии представлены культурная сложность и межэтнические отношения современного российского общества на примерах ряда регионов. География исследования включает Москву, Калининградскую, Костромскую, Оренбургскую, Тульскую, Тюменскую области, Пермский край, Забайкалье, Дальний Восток, Северный Кавказ, Крым.

Наиболее полно представлена этнокультурная, включая конфессиональную составляющую, сфера жизнедеятельности Московского мегаполиса (главы 12 и 19). Обоснованным и методологически точным представляется подход авторов монографии, в частности автора указанных глав В.К. Мальковой, не ограничивающихся описанием этнокультурного и конфессионального многообразия населения. В данном случае московские кейсы, несомненно,

представляющие познавательный интерес и научную значимость, погружены в социально-политический, социально-экономический контекст. Такой подход позволяет авторскому коллективу оставаться в рамках заявленной центральной научной задачи – фактор культурного и конфессионального разнообразия анализируется в аспекте преодоления рисков и обеспечения национальной безопасности страны. Или, как уточняют авторы, их главная цель – ответить на вопрос: «сложный этнический и религиозный состав населения России включает в себе слабость государства и преграду для его успешного развития, или же этот фактор не имеет прямого отношения к стабильности и благополучию многонационального народа Российской Федерации и, даже, наоборот, составляет важный ресурс его развития» (стр. 5).

Кейсы этнокультурной жизни Москвы и москвичей включают деятельность национально-культурных организаций, этноинформационное пространство («этнические СМИ»), топонимику, рекламу, сферу услуг (гостиницы, кафе, рестораны, магазины, рынки, кладбища), этнические праздники (стр. 279-320). Этнорелигиозный аспект представлен в кейсах о мусульманских школах и детских садах, мусульманских медицинских учреждениях, праздниках, одежде, о религиозных учреждениях (стр. 309-313, 437-453).

В.К. Малькова, предваряя представление московских кейсов, совершенно справедливо обращается к двум контекстовым условиям – это динамика этнического состава москвичей под влиянием миграционных процессов и этноконфессиональный аспект изменений в расселении горожан (стр. 275-278). Сделана отсылка к дискуссии о перспективах образования в Москве этнических кварталов и территорий компактного расселения инокультурных мигрантов. При этом автор не обозначает своего мнения по данной проблеме. Обратим внимание на точку зрения тех исследователей, которые выделяют ареалы повышенной concentra-

ции этнических меньшинств и зоны преимущественного проживания инокультурных мигрантов в Московском мегаполисе (стр. 276). Такие ареалы (локусы), зафиксированные и в других российских городах, мы называем «мигрантскими кластерами»<sup>5</sup>.

Такой же методологический подход использован в анализе этнокультурной ситуации в Калининградской области (М.Ю. Мартынова, Р.А. Григорьева, глава 13), Крыму (Р.А. Старченко и В.В. Степанов, глава 15), этнического и конфессионального разнообразия Оренбургской области (В.В. Амелин и К.А. Моргунов, глава 20), Адыгеи (Л.И. Бабич, глава 22), религиозной ситуации в Тюменской области (В.П. Ключева, глава 23), современного ислама и традиции на Северном Кавказе (А.А. Ярлыкапов, глава 21). В двух главах монографии рассматриваются социально-демографические характеристики и проблемы цыганского населения: на примере Пермского края (А.В. Черных, глава 16) и Тульской области (Е.П. Мартынова, глава 17). Отдельная глава посвящена китайским трудовым мигрантам в регионах России (В.В. Степанов, глава 18). В этих сюжетах авторы также выстраивают анализ и оценивают ситуации с точки зрения влияния данных групп населения на устойчивое развитие регионов, стабильности государства.

Использование результатов переписей позволяет авторам не только обеспечить валидность характеристик населения российских регионов, но и сформулировать теоретические выводы, прикладные задачи, предложить рекомендации. Сравнительный анализ результатов крымской переписи населения (2014 г.) с результатами Всесоюзной и Всеукраинской переписей (1989 г. и 2001 г. соответственно), выполненный на высокопрофессиональном уровне, имеет и политическую функцию. Остановившись подробно на характеристике языкового поведения крымчан, авторы констатируют, что русский язык при этническом разнообразии обеспечивает единое социально-культурное пространство (стр. 366). Результаты переписей

коррелируют с результатами социологических опросов. Так, опрос 2015 г. показал, что проблемы дискриминации по языковому признаку и этнической принадлежности не характерны для современного Крыма (стр. 368). Политическая функциональность, помимо научного и практического значения, очевидна в представленных авторами ответов крымчан на вопросы о гражданской идентичности (стр. 374-377).

Этническое и конфессиональное многообразие Оренбургской области также рассматривается в динамике, с учетом влияния внешней инокультурной миграции (глава 20). Авторы выделяют специальные разделы «Миграция и риски межкультурной интеграции», «Факторы культурной интеграции мигрантов», в которых используются материалы Всероссийских переписей населения, текущей статистики, экспертных интервью и социологических опросов, включенных наблюдений и другие источники. Представлено расселение мигрантов из государств Центральной Азии, Кавказа, республик Северного Кавказа на территории Оренбургской области, рассмотрено брачно-семейное поведение представителей ряда кавказских диаспорных общин (азербайджанцев и армян), сферы занятости и социально-демографические характеристики проживающих на территории области мигрантов (стр. 460-464, стр. 466). По нашему мнению, брачно-семейное поведение является одним из критериев адаптационно-интеграционных стратегий<sup>6</sup>. В этой связи можно рекомендовать авторам включить в исследовательский инструментарий брачно-семейные практики представителей и других мигрантских диаспорных общин. Использование результатов социологических опросов позволяет авторам проанализировать влияние миграции на устойчивое развитие региона и прийти к выводу, что взаимоотношения мигрантов из государств Центральной Азии, Азербайджана и местного населения можно оценить как удовлетворительные (стр. 472-473).

Религиозное многообразие России представлено на примере таких регионов, как Адыгея, Москва, Оренбургская, Тюменская области. Особое внимание в монографии уделено состоянию исламской религии на Северном Кавказе (глава 21). А.А. Ярлыкапов предваряет анализ современной ситуации в мусульманской умме демографическими данными о населении, общей характеристикой распространения направлений и мазхабов ислама. Основное внимание автор уделяет дилемме «Ислам и традиция». В частности, на примере празднования дня рождения Пророка (Мавлид), распространения «исламской глобализации» показывает, что, как и в других регионах, на Северном Кавказе «ислам и традиция находятся в постоянном взаимодействии, отвечая на изменения, которые происходят в социуме» (стр. 495-496). Продуктивным представляется включение в фрейм анализа таких сюжетов, как городская исламская молодежь, тенденции развития ислама на Северном Кавказе, влияние арабского мира, усложнение состава уммы, виртуальные джмааты, полиюридизм в Дагестане (стр. 497-499). Особо отметим гипотезу А.А. Ярлыкапова о складывании в ряде российских регионов «ханафитско-шафиитских контактных зон» как следствие миграции кавказцев (стр. 499). Соглашаясь с данной гипотезой, в том числе на основании собственных наблюдений, добавим, что участниками таких «зон» являются и местные мусульмане, и мигранты из государств Центральной Азии, ханафитская традиция которых отлична от ханафитского мазхаба, практикуемого, например, поволжскими мусульманами<sup>7</sup>.

Возвращаясь к общей оценке работы, следует сказать, что источниковая база монографии вводит в аналитическое поле статистические документы (материалы переписей населения, текущей статистики), законодательные акты и другие правовые документы, результаты социологических и этносоциологических опросов, материалы экспедиций, антропологических на-

блюдений, дискурсы СМИ и иной печатной продукции, визуальные коммуникативные формы. Авторы, как правило, обращаются и к опубликованным материалам, что позволяет, с одной стороны, увидеть степень изученности и преемственности проблематики, а с другой – рельефно продемонстрировать научную новизну исследовательского проекта.

Совокупность приведенных в работе материалов позволила сделать несколько принципиально значимых заключений и выводов. Во-первых, подтверждена базовая гипотеза, что само по себе этническое, религиозное, языковое, культурное многообразие России и ее регионов не является источником дестабилизации, но также не служит автоматически гарантом стабильного и успешного развития. Во-вторых, замечено, что риски возникают тогда, когда управление идет вразрез с культурными нормами и традициями местного населения, но при культурно чувствительном и компетентном управлении сам фактор полиэтничного населения может быть источником обогащающего взаимодействия и развития. В-третьих, анализ динамики этнического состава населения страны подтверждает не только глубокие исторические корни многоэтнической природы русского народа, но также обнаруживает стабильную структуру собственно этнического состава. В-четвертых, было подтверждено, что этническая принадлежность есть прежде всего вопрос личной идентификации, которая не связана только с кровным происхождением. В-пятых, изучение религиозной ситуации подтвердило факт сопряжения и бесконфликтного существования в РФ традиционных конфессий и лидирующей роли православной церкви. Наконец, социологический анализ показал, что в полиэтничных регионах страны имеет место очевидный запрос со стороны учеников, родителей, общественности на изучение как русского, так и нерусских языков, а также на этнокультурное образование в целом.

Исходя из вышесказанного, очевидна прикладная, прежде всего политико-управленческая, значимость монографии как в общероссийском, так и региональном ракурсах. Конструктивно-прикладная направленность монографии подкреплена предложениями в сфере конституционного устройства и законодательства, по совершенствованию переписей населения, по экспертному обеспечению государственной национальной политики и перспективным научным направлениям (стр. 559-560). Показательно также, что все представленные региональные материалы содержат рекомендации органам власти, общественным институциям. Особо следует отметить предложенный в заключении прогноз развития российского общества. Здесь мы солидарны с академиком В.А. Тишковым в том, что современное общество как никогда ранее подвергается трудно предсказуемым последствиям человеческой деятельности. Тем самым снижая вероятность долгосрочных прогнозов, в том числе и таких строго вычисленных, как демографические прогнозы (стр. 546).

Что касается среднесрочного прогноза развития российского общества (до 2030 года), то стоит особо отметить сформулированные авторами монографии этнодемографические тенденции (стр. 552-554) и социально-политические последствия этнодемографии (стр. 554-558). Основываясь на материалах переписей и других источниках, дающих общую информацию о демографическом поведении различных этнических групп, авторы прогнозируют сохранение доминирующего положения русских, рост численности и доли населения исламской религиозной традиции (главным образом за счет кавказцев), вероятное снижение численности и доли народов финно-угорской группы и большинства коренных малочисленных народов, сохранение численности и доли народов буддийской религиозной традиции. Представляют интерес прогнозы по так называемым новым этни-

ческим группам, как правило, дисперсно расселенным по территории страны.

Авторами обозначено такое социально-политическое последствие этнодемографического развития, как пространственное перераспределение населения: гомогенизация республик и концентрация русского населения в мегаполисах и Московском регионе. По мнению авторов, такие тенденции просматриваются уже в настоящее время, через 10 лет могут стать более очевидными, а через 20 лет – определяющими рисками для развития российского общества. Несмотря на весьма осторожный прогноз, обусловленный методологическими и эмпирическими проблемами, отмечен позитивный опыт противодействия образованию этнических кварталов в российских городах. По нашему мнению, подобный опыт применяется на региональном или местном уровне скорее в силу специфических обстоятельств, а должен стать продуманной социально-политической технологией.

С другой стороны, современная социальная реальность активно, хотя и далеко не всегда удачно, «конструируется». Современные поколения – свидетели «вторжения» виртуального пространства в реальное социальное пространство. Тем не менее общество нуждается как в осмыслении прошлого, так и осмыслении будущего или, как отмечают авторы монографии, «траектории развития России как многоэтнического и поликонфессионального нации-государства» (стр. 546). Собственно понимание России как нации – государства – это тоже проект, авторов которого следует искать и в научной среде, и среди представителей политического класса. Продвижение проекта формирования российской гражданской нации начинается почти 20 лет назад, хронологическое утверждение – принятие Стратегии государственной национальной политики (2012 г.). Несмотря на непрекращающуюся дискуссию и существенные коррективы «по ходу дела», можно утверждать, что проект в целом успе-

шен<sup>8</sup>. Авторы монографии демонстрируют результаты и степень продвижения по пути формирования российской гражданской нации. Давая общую оценку результатам нациестроительства России, академик В.А. Тишков, как нам представляется, справедливо отмечает неравномерность этого процесса в различных сферах общественной жизнедеятельности. Если в экономической и политико-управленческой сферах, в образовательном и культурном пространстве достигнуты очевидные и измеримые результаты нациестроительства, то в сфере «общественной ментальности, ценностей, убеждений и восприятия россиянами себя как единого народа с единой Родиной и единой исторической судьбой» процесс «явно буксует» (стр. 548). В этой связи проект формирования российской гражданской нации предлагается рассматривать как одно из приоритетных направлений государственной политики и общественных усилий на ближайшее десятилетие.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> *Шабаетов Ю.П., Подоплекин А.О.* Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ // ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 1. С. 103-122.
- <sup>2</sup> *Шабаетов Ю.П.* Рецензия на книгу А.Ф. Старцева «Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина» // Россия и АТР. 2016. № 4.
- <sup>3</sup> *Казакевич О.А.* О принципах построения функциональной типологии малых языков (на материалах малых автохтонных языков Сибири и Дальнего Востока). URL: <http://book.lib-i.ru/25filologiya/534773-1-o-kazakevich-rossiya-moskva-principah-postroeniya-funktionalnoy-tipologii-malih-yazik.php> (дата обращения 14.05.2019).
- <sup>4</sup> *Шабаетов Ю.* Ижора // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник. Москва - Берлин, 2015. С. 168.
- <sup>5</sup> *Мухаметшина Н.С.* «Мигрантские кластеры» в социальном пространстве города // Известия СамНЦ РАН. Самара, 2014. Т. 16. № 3. Часть 2. С. 633-637; *Мухаметшина Н.С., Кандауров С.П., Явкин Н.В.* Стратегии освоения регионального социума мигрантами из постсоветских госу-

дарств / Под ред. Н.С. Мухаметшиной. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015.

<sup>6</sup> Мухаметшина Н.С. «Культура повседневности» в контексте интеграции мигрантов из стран Закавказья // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 198-201.

<sup>7</sup> Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность / Рук. проекта и отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Издательство «Артефакт», 2014.

<sup>8</sup> См., например: Барышина Н.А. Нациестроительство: региональный уровень. Саратов: Изд. центр «Наука», 2013; Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижеева. М.:

Российская политическая энциклопедия, 2013; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

*Доктор политических наук,  
профессор Самарского государственного  
технического университета  
**Н.С. Мухаметшина***

*Доктор исторических наук,  
заведующий отделом этнографии  
института языка, литературы и истории  
Коми научного центра УрО РАН  
**Ю.П. Шабеев***